

На правах рукописи

Агапова Екатерина Сергеевна

**Языковая репрезентация темпоральности
в «молодежной прозе» В.Аксенова (на материале повестей «Коллеги»,
«Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора»)**

Специальность 10.02.01. – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики преподавания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель – Доктор филологических наук, профессор
Фаттахова Наиля Нурийхановна

Официальные оппоненты: **Лысакова Ирина Павловна**,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена»,
заведующая кафедрой межкультурной коммуникации филологического факультета

Бубекова Лариса Борисовна,
кандидат филологических наук, доцент
ФГАОУ ВПО «Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета», декан факультета русской филологии и журналистики

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Защита состоится «2» апреля 2013 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г.Казань, ул.Татарстан, д.2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Режим доступа: <http://www.kpfu.ru>

Автореферат разослан «1» марта 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Виноградова Т.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование¹ посвящено рассмотрению категории темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова. Под *темпоральностью* в данной работе понимается «семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета» [Бондарко 1990: 5]. Данная категория вербализуется различными языковыми средствами и соотносится как с реальным временем, так и с отражением представления о времени в сознании людей.

Актуальность исследования. Время – сложная и важная категория человеческого познания, которая интерпретируется с точки зрения разных наук: философии, физики, истории и т.п. Для нас важен прежде всего лингвистический аспект данной категории, так как *время* является одним из основных элементов языковой картины мира.

Лингвистическая наука характеризуется значительными достижениями в осмыслении категории времени, осуществленными на протяжении более полувека, начиная с работ А.В. Бондарко (1971, 1990, 2002), чья теория функционально-семантических полей оказала определяющее значение для развития данной области исследований. Можно констатировать существование нескольких подходов к изучению категории времени, в частности структурно-семантического (Н.А. Андрамонова 1977, А.К. Музафарова 1988, Т.Е. Шаповалова 2000, О.В. Агрова 2004, Н.В.Шуваева 2005), функционально-семантического (А.В. Бондарко 1990, М.В. Всеволодова 1982, Г.В. Звездова 1996), функционально-коммуникативного (Г.А. Золотова 1998). Вслед за учением М.М. Бахтина о хронотопе (1975) появляются работы, рассматривающие время отдельного художественного произведения, в том числе и с лингвистической точки зрения (К.А. Кочнова 2005, М.М. Морараш 2009, Е.В. Макаровская 2009, Д.А. Салимова 2009, Л.А. Усманова 2009, Е.В. Маслакова 2010 и др.). Однако основные вопросы внутренней системной организации темпоральности, соотносительности лексических и грамматических средств выражения и особенно вопрос о специфике их функционирования в художественном тексте остаются неисчерпанными и дискуссионными.

Дискуссионность или неразрешенность проблем темпоральности осложняется сменой векторов лингвистических интересов с изучения языка как системы знаков на изучение языка как деятельности и ее результатов, на текстовые механизмы порождения смыслов; осознанием экспланаторности (стремления найти объяснение языковым и речевым фактам) как существенного признака современных лингвистических исследований. В этом плане **актуальным** представляется обращение к произведениям

¹ Исследование выполнено в рамках гранта «Учитель-исследователь» Министерства образования и науки Республики Татарстан

В.Аксенова для описания авторской модели времени и выявления специфики языкового воплощения категории времени.

Как известно, мезоконцепт *время* связан с идеей движения событий, определенным промежутком этого движения, периодом. Принято различать метрическое и экзистенциальное (чувственно-образное) время. Более привычным способом фиксации изменений в мире является метрическое время с его идеей количества. Такое время используется как единица счета и конституируется тремя элементами: «кратковременность», «продолжительность», «конвенциональность». Конвенциональное отражение в календаре изменений в физическом мире связано с осознанием важности и значимости природных, культурно-исторических, религиозных и других явлений для человека. В связи с этим особое значение приобретает исследование как грамматических, так и лексических средств репрезентации темпоральности в художественном произведении. Выбор в качестве предмета исследования темпоральных конструкций объясняется недостаточной изученностью механизма выражения темпоральности в языке художественного произведения. Поэтому изучение авторской модели времени и временных отношений является актуальным и перспективным.

Материалом исследования служат произведения «молодежной прозы» В.Аксенова – «Коллеги» (1959), «Звездный билет» (1961), «Апельсины из Марокко» (1962), «Пора, мой друг, пора» (1963).

Объект изучения – категория темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова. **Предметом исследования** являются разноуровневые средства репрезентации категории темпоральности в текстах «молодежной прозы» В.Аксенова: темпоральная лексика, видо-временные формы глагола, лексико-грамматические средства выражения времени, синтаксические конструкции с темпоральным значением.

Цель исследования заключается в изучении лексико-семантической и грамматической темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова и ее взаимосвязей с сюжетом и композицией, выражением авторской концепции, что предполагает постановку и решение следующих **задач**:

- систематизировать представление о времени как многогранном феномене, основываясь на анализе трудов в области философии, естественных наук, лингвистики;
- выявить в произведениях «молодежной прозы» В.Аксенова лексические и грамматические средства выражения темпоральности;
- проанализировать синтагматическую сочетаемость лексем с временным значением на уровне атрибутивно-предикативных связей;
- определить индивидуально-авторские компоненты значений у слов, обозначающих отрезки времени;
- дать характеристику основным показателям синтаксического времени в «молодежной прозе» В.Аксенова;
- рассмотреть функционально-содержательный статус сложноподчиненных предложений с временными союзами.

Целью и задачами исследования обусловлен выбор комплексной методики исследования. Основными **методами исследования** явились описательный метод, метод системного функционально-семантического анализа, контекстный и стилистический метод. Также были использованы приемы статистического метода, позволяющие сопоставить количественные характеристики использования средств выражения темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова. Текстовые иллюстрации были получены методом сплошной выборки из изучаемых повестей В.Аксенова (около 2000 примеров).

Научная новизна работы состоит в том, что впервые осуществляется комплексное рассмотрение категории темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова через выявление и описание средств репрезентации времени разных языковых уровней, определяется специфика авторской концептуализации времени. Полученные выводы позволяют представить идейное своеобразие прозы В.Аксенова раннего периода с точки зрения воплощения в ней представлений о времени в виде языковых и художественных смыслов.

Теоретическая значимость работы связана с тем, что в ходе исследования совершенствовалась методика комплексного лексико-грамматического анализа представления времени в художественном тексте, выявлена специфика воплощения темпоральных представлений в языке прозы В.Аксенова 60-х годов.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут способствовать дальнейшему изучению темпоральности в произведениях В.Аксенова, а также исследованию концептуализации времени в текстах других писателей. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания таких дисциплин, как стилистика, лингвистический анализ текста, а также спецкурсов, посвященных творчеству В.Аксенова.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В процессе изучения категории темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова выявлена определенная модель времени, которая находит свое выражение в языковых единицах разных уровней, что свидетельствует о сложности данной категории и ее значимости для автора.
2. Категория темпоральности оказывается важной для построения сюжета и композиции произведений «молодежной прозы» В.Аксенова, так как жизнь героев оказывается вписанной в природно-календарный и суточный цикл, концепция исторического времени также приобретает циклический характер. Особенности восприятия времени проявляются через оппозиции именных темпоральных лексем, например, весна / зима, лето / осень и т.д.
3. В синтагматических отношениях значение темпоральных лексем усложняется и наполняется дополнительными авторскими смыслами и оттенками.

4. Концептуализация времени в «молодежной прозе» В.Аксенова исходит из представления о наличии у категории темпоральности философского, лингвистического, субъективно-психологического аспектов.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в 7 статьях, в том числе в изданиях из списка ВАК РФ. Отдельные фрагменты работы были представлены в виде докладов на таких научных конференциях, как «Филология и образование: современные концепции и технологии» (Казань, 2011), «XXXI научная конференция молодых ученых и специалистов» (Казань, 2011), «XIV Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дню славянской письменности и культуры» (Казань, 2011), «Мир забытых вещей...» (Казань, 2011), «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, 2012), «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (Краснодар, 2012), «Современная филология: теория и практика» (Москва, 2012).

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии. Первая глава рассматривает философские, физические, лингвистические аспекты времени; во второй главе исследуется лексико-семантическое выражение темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова; третья глава посвящена изучению грамматической концептуализации времени в указанных произведениях В.Аксенова.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, обозначается объект и предмет диссертационной работы, определяются цели и задачи исследования, характеризуются методы исследования, аргументируется научная новизна диссертации, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические основы изучения темпоральности в произведениях «молодежной прозы» В.Аксенова» носит вводный характер и состоит из трех параграфов, в которых последовательно рассказывается об эволюции взглядов на природу времени в истории философии, дается определение времени с точки зрения естественных наук, а также его существенные характеристики (повторяемость, дискретность, метрические качества и т.д.). Важность категории времени обусловлена тем, что с его помощью люди воспринимают и осознают мир, выстраивая образ окружающей действительности, отмечается, что представление человека о времени менялось. Также рассматривается лингвистический аспект категории времени, под которым понимается отображение определенной модели реального времени в языке. В работе даются определения категории времени и темпоральности, последняя является более широкой категорией, так как включает в себя лексические и грамматические средства выражения временных отношений. В теории А.В. Бондарко темпоральность

представляет собой функционально-семантическое поле, в центре которого находится грамматическая категория времени, опирающаяся на системы грамматических форм. Периферия поля представлена лексическими обстоятельственными конкретизаторами временных отношений. К периферийным компонентам поля темпоральности примыкают также синтаксические конструкции с модальными значениями [Бондарко 1990: 5].

Категория темпоральности является обязательным атрибутом текста [Николина 2003], так как текст отображает определенный фрагмент действительности, включенный в общую хронологию мира, и в то же время сам текст разворачивается во времени. В художественном тексте складываются особые временные модели, где время может двигаться в разных направлениях, может замедлять свой ход, прерываться, события могут меняться местами и т.д. Еще одной важной чертой художественного времени является наличие воспринимающего время субъекта (герой произведения или повествователь).

Каждый конкретный текст имеет свое индивидуальное, только ему присущее функционально-семантическое поле темпоральности, единицы которого по-особому, оригинально и неповторимо, реализуют категорию художественного времени в конкретном тексте.

В диссертационной работе рассмотрены основные положения исследований категории времени в творчестве В.Аксенова. Отдельные художественные особенности идиостиля В.Аксенова анализировались в работах Н.А. Ефимовой (1993), О.В. Залесовой (2002), Н.В. Колесовой (2005), Т.А. Маликовой (2006), И.В. Попова (2006), А.И. Куприяновой (2007), О.В. Чернышенко (2007), Т.И. Большаковой (2008), В.В. Аксеновой (2011), С.В. Маклаковой (2012), Д.Петрова (2012). Учеными выявлено, что время является важной составляющей хронотопа В.Аксенова. Обращение к изучению хронотопа «молодежных повестей» позволяет выделить такие особенности временной организации произведений, как цикличность, рекурсивность, прерванность, фантастичность, ассоциативность, создание эффекта множественности событий и т.д. Авторами отмечается, что в основе повестей 1960-х годов лежит мотив пути, который тождествен процессу взросления героя, проходящего через череду испытаний. В прозе В.Аксенова этого времени появляется тенденция к расширению временных границ героев, воспринимаемая как в контексте эпохи, так и вечности. Своеобразие временных отношений, таким образом, обусловлено возможностью создания эффекта множественности вариантов главного события или множественности событий вообще, включенностью повествования в циклическое мифологическое время.

Вторая глава «Лексико-семантический аспект категории темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора»)) посвящена изучению лексических средств репрезентации темпоральности.

С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени: циклическое («время как последовательность однотипных событий») и линейное («время как однонаправленное поступательное движение») [Яковлева 1994: 97]. Представление о времени как вращении по кругу восходит к природно-календарным циклам и доминирует в архаических культурах [Успенский 2002: 9-77]. Данная модель отражает циклы человеческой жизни, времена года и реализуется в соответствующей лексике (ночь, день, неделя, год, зима, лето, детство, старость и т.д.). Подобная темпоральная лексика достаточно широко представлена в современном русском языке, о чем свидетельствуют классификации М.В. Всеволодовой, Н.А. Потаенко, Г. Рубинштейна и др.

Гиперонимом всех темпоральных лексем является лексема *время* (131 случай употребления в «молодежной прозе» В.Аксенова). «На семантику слова оказывает определенное влияние часто сочетающиеся с ним слова» [Шмелев 1973: 184-185], поэтому в работе рассмотрены атрибутивно-предикативные характеристики лексемы *время*, где значимым оказывается противопоставление современности и прошлого. Для обозначения современной героям действительности автор употребляет субстантивное словосочетание *наше время*, где главное место отводится отдельной человеческой личности и всеобщему прогрессу: «*Я человек, не государство, а человек в наше время должен жить сегодняшним днем*» [1: 58].

Имплицитным выражением понятия *наше время* и безграничных возможностей человека могут служить субстантивные конструкции с упоминанием достижений XX века (*В наш век телевидения и электроники, в век вертолетов и пенициллина, в наш век кино и цветного фото*), где приметами времени выступают новинки техники и медицины, современные формы искусства. Другой значимой чертой нашего времени является скорость: «*Вот они, темпы двадцатого века*» [1: 143].

Использование такого темпорального показателя, как *времена* для характеристики прошлого, свидетельствует о статичности и обобщенности восприятия данного периода: «*Ведь так, наверное, во времена Чехова уже не врачевали*» [1: 42]; «*В былые времена сплетниц приковывали к стене Ратуши*» [2: 255].

Большую роль в уточнении авторского представления о времени играют глагольные семантические связи лексемы *время*, где доминируют глаголы мысли, речи и чувства и глаголы бытия, состояния: «*Через некоторое время он снова спросил: - Вы знаете задачи карантинной службы*» [1: 122]; «*Я стараюсь не думать о тех временах, уж очень непонятные для меня времена*» [3: 408]. Большое количество глаголов этих групп связано с динамизмом жизни героев, мыслительной и эмоциональной активностью, а также непосредственной связью категории времени с понятием жизни, что подчеркивается эмоциональными конструкциями типа: «*Ах, доктор, в какое время мы живем!*» [1: 129].

Синонимом к лексеме *время* выступает менее употребительное слово *пора*, употребляющееся чаще всего в составе устойчивых выражений,

например, «...и сколько мы с ней **на первых порах** помучились...» [4: 352]. А строка из стихотворения А.С.Пушкина выносится в заглавие всей повести «Пора, мой друг, пора», которая завершается обращением к имени великого поэта: «Ты любишь Пушкина? **Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...**» [4: 374]. Лексема *пора* выступает в данном случае в качестве слова категории состояния, что способствует реализации авторской художественной установки: герои повести подходят к определенному рубежу, обретая свое понимание счастья. Лексема *пора* придает всему контексту произведения ощущение постоянного хода времени, его неумолимости и беспощадности, необходимости совершения действий и принятия сознательных решений.

Анализ атрибутивно-предикативных характеристик лексемы *время* показывает, что в художественном мире «молодежной прозы» В.Аксенова время связано с непосредственно происходящими событиями, в ряду временных отрезков динамичное настоящее противопоставляется статичному патриархальному прошлому.

Восприятие времени в «молодежных повестях» может быть представлено в двух ракурсах: идеологическом и субъективном. Идеологическое восприятие времени прослеживается через публицистический дискурс, несущий отсылку к конкретному историческому времени, а также официальную оценку происходящих событий, а второе – в репликах героев и авторском повествовании.

Идеологическое восприятие настоящего времени передается через публицистические тексты, например, газетные заголовки (повесть «Звездный билет»). Еще одной характеристикой настоящего времени может стать использование особых клише, оценивающих происходящие события и людей: «*Есть среди наших жильцов и **закоренелые носители пережитков прошлого**: алкоголик Хромов, спекулянт Тима и склочница тетя Эльва*» [2: 193].

Переход от общественного к личному подчеркивается через употребление форм личных и притяжательных местоимений первого лица (я, мы, наш). Частотно и обстоятельство *сегодня*, указывающее, что герои живут прежде всего сегодняшним днем: «*Поздно, – сказал Зеленин, – ты уж другому отдана и будешь век ему верна, а он закружит тебя **сегодня** в вихре светских развлечений*» [1: 158]; «*Это я их **сегодня** угощаю на свои деньги*» [3: 408].

При характеристике прошлого в речи героев, как правило, отсутствует конкретная датировка событий, частотна характеристика *далекое прошлое* (Минувшее время, событие [Ожегов 2006: 842]): «*Все, что было, прошло, прыгнуло в **далекое прошлое***» [1: 60]; «*На первом курсе наш Олег шалил, но это в **далеком прошлом***» [4: 321]. События, произошедшие буквально несколько месяцев назад, осознаются героями как давно прошедшие (*отдаленные большим промежутком времени* [Ожегов 2006: 197]).

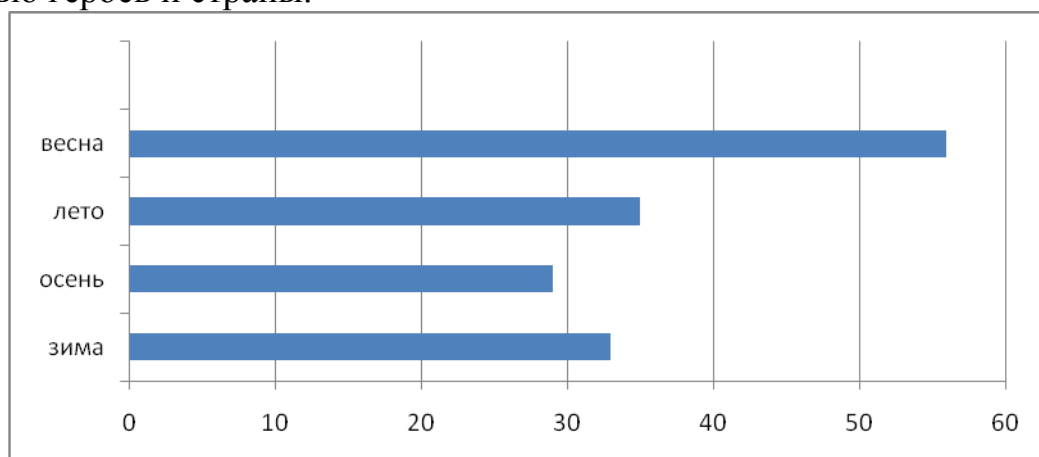
Для героев важно именно личное восприятие прошлого, что выражается через воспоминания о событиях: «*Да, это было в тот год, когда*

я срезался в авиационный техникум и пошел по жаркому и сухому городу куда глаза глядят»[3: 386].

Мысли о будущем (время и события, следующие за настоящим [Ожегов 2006: 80]) свойственны прежде всего взрослым персонажам, у юных же героев планы на будущее вызывают усмешку и некоторое замешательство, которое выражается использованием особого пунктуационного знака, многоточия: *«Максимов усмехнулся: - Ах, ах, планы на будущее, творческий труд»* [1: 58]; *«Он напрасно опустил руки и тянет выпускные экзамены на одни тройки, ведь надо подумать и о будущем...»* [2: 192]. Сами же герои «молодежных повестей» В.Аксенова не говорят о будущем, но пытаются его увидеть: *«А сейчас ему показалось, что Инна смотрит в печку, словно пытаясь в ней увидеть свое будущее»* [1: 149].

Образ будущего носит сияющий и сверкающий характер, что подчеркивается соответствующими атрибутами и предикативами: *«Неужели вы думаете, что сквозь призму этой бутылочки перед нами открывается сияющее будущее?»* [2: 320]; *«- Будущее будет сверкать как пламя!»* [1: 149]. Кроме того, любое время начинает воплощаться в каком-то значимом для героев символе, несущем семантику света: для прошлого – это фонарь; настоящее – это светящиеся окна и Олимпийский огонь; будущее – нечто яркое, сверкающее: *«Ночь хороша светом далеких окон»* [1: 178]; *«А огоньки уже зажигались вдали <...> площадь распаивалась перед ней все шире, словно счастливое будущее»* [4: 305]. Через семантику света / огня выстраивается авторская картина связанных между собой времен и концепция ответственности поколений друг перед другом. Так, кажущееся на первый взгляд противопоставление времен, на самом деле является выражением авторской концепции связи времен, ответственности ныне живущих людей перед предками и потомками.

Необходимость рассмотрения лексем, относящихся к календарному циклу, обусловлена соотнесенностью сюжета, действующих лиц не только с линейным, но и циклическим временем. Календарное время представлено лексемами *весна* (56), *лето* (35), *осень* (29), *зима* (33), активно используются названия месяцев, дней недели, указываются конкретные даты, связанные с жизнью героев и страны.

Лексема *весна* оказывается связанной с основными категориями мироощущения писателя (путь, поиск, молодость), наделяется особым положением в художественном тексте (конкретная отнесенность начала действия повестей к весне): «*Вот они какие. И сейчас, весной 1956 года, они идут втроем против ветра и думают все об одном*» [1: 8]. Говоря о весне, автор употребляет глаголы с фазисным значением и семантикой движения *придет, пришла, наступила*. Динамичный, мгновенный характер этого времени года подчеркивается словами *хаос, разливы, веселье, натиск, ветра*: «*Натиск весны в этом году был сокрушительным*» [1: 14]; «– *И с тех пор с весенними ветрами... – заголосил Карпов. – Звучит?*» [1: 85]; «*Он брел спокойно и безмятежно под сильным ветром, полным весенних прихотей и надежд*» [4: 323].

Весне, как динамическому времени, года противостоит зима, завершающая природный цикл, в который вписаны герои. Это время, когда герои окончательно осмысливают свой путь, часто в одиночестве, завершают свои дела. Зима воспринимается героями как нечто целостное, протяженное во времени, это приводит к появлению определения *вся*: «*Но я все время думала о нем, всю зиму, только сейчас забыла, когда мы встретились*» [4: 348]. Состояние героев зимой характеризуется эмоционально-оценочными словами с семантикой одиночества, грусти, страданий: «*Зиму эту Таня провела одиноко, невесело*» [4: 307]; «*...но они не знают про твою одинокую зиму, про твою разнесчастную нелепую любовь ничего не знают*» [4: 340]. Только предчувствие весны дает новые силы, надежды, ощущение нового пути: «*Придет весна, похожая на сотни других весен, но все-таки чем-то отличающаяся*» [1: 187].

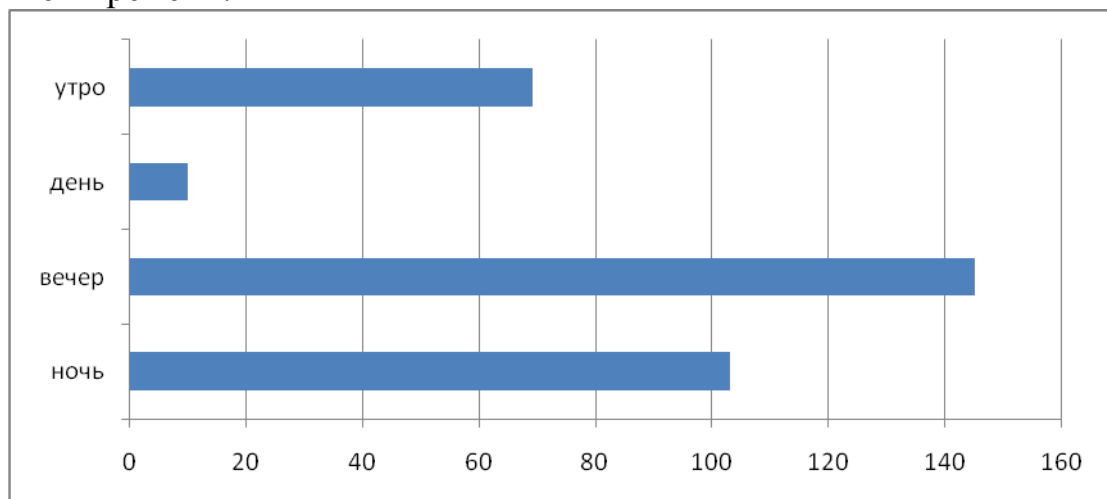
Вторую смысловую оппозицию составляют лексемы *лето* и *осень*. Лето понимается автором как время испытаний свободой, дружбой, любовью. Воспоминания о лете сопровождаются эмоциональными атрибутами *дикий (грубый, необузданный* [Ожегов 2006: 216]), *болезненный (неестественный, ненормальный, чрезмерный* [Ожегов 2006: 71]), герои не только говорят о лете, они *казнятся (мучить себя, терзаться, сознавая свою вину* [Ожегов 2006: 346]). Таким образом, происходит наполнение образа лета семантикой раскаяния: «*Редко навещали ее отчетливые зрительные картины этого лета, но очень часто возникало болезненное воспоминание о какой-то страшной глупости, грубости, неловкости, и оттого она стала мрачной*» [4: 307]; «*Вчера по дороге домой она стала казниться, чуть ли не кричала, все говорила о прошлом лете*» [4: 361].

Осмысление событий лета приводит к появлению определений *прошлое* (минувшее [Ожегов 2006: 842]), *то*: «*При всех своих случайных встречах с ней он вспоминал прошлое лето в маленьком прибалтийском городе, веселье и суматошные дни, и неведомо почему, грустный отъезд*» [4: 324]; «*Он вспомнил тех троих и сам удивился, почему он не спросил о них, почему он не спросил у нее ничего о том лете, чем оно кончилось, – как будто и не было его никогда*» [4: 348].

Осень оказывается временем плена, на что указывают неизменные признаки данного времени года – затяжные дожди, шторма, слякоть, ветра. Все это не позволяет героям отправиться в дальнейший путь. Постоянно подчеркивается сырость, это реализуется через введение определения *мокрый*, через постоянное упоминание о дождях и штормах: «*Мокрые листья прилипали к штанам и к рукам. Все было мокрым в этом осеннем лесу*» [2: 310]; «*Кянукук чувствовал приближение осеннего сезона, времени дождей, слякоти и мокрых ветров, когда сандалеты уже окончательно выйдут из моды*» [4: 268]. Эмоциональной наполненности лета противопоставляется отсутствие чувственной составляющей осенью.

Таким образом, В. Аксеновым через оппозиции темпоральных имен, выстраивается картина, где каждое время года несет определенную смысловую нагрузку.

Лексемы суточного цикла: *утро* (69), *день* (10), *вечер* (145), *ночь* (103), представлены в количественно-именных сочетаниях с временным значением; атрибутивных сочетаниях «прилагательное + существительное», содержащих указание на определенное время суток; этикетных формулах; обстоятельствами времени и обстоятельственными детерминантами со значением времени.

Так, утру сопутствуют тишина, прохлада, отсутствие людей вокруг. Окружающая тишина акцентируется словами *тишь*, *тише*, *потихие*: «*Утром в кафе тишь да благодать*» [2: 330]. Ощущение прохлады, иногда доходящей до настоящего холода, фиксируется прежде всего предикатом: «*К утру стало немного тише*» [2: 340]; «*Утром мне было холодно даже в обоих свитерах и куртке*» [2: 318]. Глаголы движения, отнесенные к утру, дополняют значение этого времени суток семантикой начала. Автор использует такие глаголы, как *ушли*, *выходим*, *явились*, *зайдем* и др.: «*Вот так мы всякое утро выходили в море и каждый вечер возвращались в колхоз*» [2: 318].

Атрибутив *утренний* может содержать указание на данное время суток без эмоциональной оценки: «*На этом закончились утренние съемки*» [4: 237]. Также возможно и выражение присущей утру тревожности, ощущения

некой опасности, некомфортного состояния героев: «Голубой киоск стоял в начале совершенно незнакомой Димке и **пустынной утренней улицы**» [2: 267].

Лексема *день* (часть суток от утра до вечера [Ожегов 2006: 210]) в «молодежной прозе» В. Аксенова представлена не очень широко. Автор обращает внимание прежде всего на климатические характеристики этого времени суток: «**День выдался теплый и светлый**» [1: 128]; «**Тот день был душным и пасмурным**» [2: 269]; «**Это был воскресный и невероятно жаркий для Прибалтики день**» [2: 231]. Кроме того, день неизменно связывается с процессом трудовой деятельности героев. Через подобные контексты реализуется и членение суток, времени героев на рабочее и личное: «**И вот рабочий день кончается**» [1: 28]; «**К концу рабочего дня я сломал всю стену до основания**» [2: 305].

Важной частью художественного мира ранних произведений В. Аксенова является лексема *вечер* (высокая частотность употребления в текстах, употребление в составе заголовков отдельных глав). Можно выделить несколько групп атрибутивов, относящихся к лексеме *вечер*: календарная характеристика (*субботний, воскресный, сегодняшний, вчерашний вечер*); атмосферная характеристика (*ветренный, душный вечер*); эмоционально-оценочная характеристика (*странный, милый, волшебный, страшный, удивительный, лучший, особенный вечер*); характеристика по протяженности и повторяемости (*целый, ранний, весь, первый, последний, каждый, обычный вечер*); формулы этикета (*добрый вечер, вечер добрый, до вечера*); метафорическое осмысление лексемы (*апельсиновый вечер*).

Вечер это не просто переход от рабочего времени к личному, свободному, но и время духовного единения близких людей. В силу подобной семантики лексема *вечер* вбирает в себя значение повторяемости, что подчеркивается определениями *каждый, обычный*: «**Каждый вечер мы будем вместе купаться и заплывать за боны**» [2: 252]. Применительно к вечеру начинает подчеркиваться и семантика возвращения к близким и родным людям: «<...> и **каждый вечер будет возвращаться** в свой домик, к своей жене <...>» [2: 282]; «**Боже мой, миллионы мужчин и женщин встречаются по вечерам** на своих кухнях, <...> и не знают, какое это счастье» [1: 140]. Чувство единения любящих людей реализуется и через местоименную характеристику: «**Этот вечер наш, Колька, договорились?**» [3: 468]; «**Я помню, как она спросила меня в один из наших первых вечеров: честолобив ли я**» [4: 223].

Вечера оказываются и определенными рубежами в жизни героев, временные границы подчеркиваются атрибутивами *первый, последний*: «<...> и мы с Катей танцуем **в наш первый и последний вечер**, а что здесь было раньше, при жизни Сталина, помни об этом, помни» [3: 469].

Используемые эмоционально-оценочные определения, показывают, что вечер в сознании героев оценивается достаточно позитивно: «<...> **все, по-моему, были счастливы в этот удивительный вечер**» [3: 460]; «**Такой удивительный вечер**» [3: 465]; «**Все равно это был лучший вечер в моей**

жизни» [3: 473]; «Для него, видно, это был какой-то **особенный вечер**» [4: 316]. Особое значение имеет метафора *апельсиновый вечер*, в которой подчеркнута уникальность, значимость этого времени, а также теплота человеческих отношений: «**Кончился апельсиновый вечер. Завтра все войдет в свою колею, но пока...**» [3: 472].

Предикативная характеристика лексемы *вечер* представлена достаточно разнонаправленной во времени: действие может быть отнесено как к будущему, так и к прошлому, а также к моменту речи. При помощи глагольных форм выстраивается, с одной стороны, картина вечера повторяющегося, но в то же время особенного и уникального.

Лексема *ночь* занимает второе по употребительности место среди лексем суточного цикла после вечера. Ночь – это время, чувственно воспринимаемое героями, и здесь на первый план выходит цветовая, световая и звуковая символика. В авторском понимании по-разному представлены весенняя и зимняя ночь, когда в первом случае большее внимание уделяется звукам, а во втором – цветовой характеристике: «**Начиналась весенняя ночь с треньканьем струн**» [1: 14]; «**Ночь была сказочной, густо намалеванной белилами на черном фоне**» [1: 171]. Световая символика ночи реализуется через частотный в прозе В.Аксенова образ светящихся окон: «**Ночь хороша светом далеких окон**» [1: 178]. А луна и звезды, сопутствующие ночи, получают новую трактовку: луна воплощает идею о бесконечном пути и является постоянным спутником героев «молодежной прозы», наделяясь положительной символикой.

Ночь, как и вечер, – это время движения, что подчеркивается через предикативную характеристику: «**Ночью поезд идет вдоль болот**» [2: 230]; «**Все время едет, ночь на колесах**» [4: 374].

Именно ночью герои остаются наедине с собой: «**Ведь так тяжело смотреть одному в слепые глаза ночи**» [1: 45]; «**Все сумасбродные идеи человека, ночные его видения <...> растворились в нем**» [4: 308]. На ночное время приходится пик эмоционального напряжения героев.

В художественном мире В.Аксенова особое место принадлежит вечеру и ночи, что подчеркивается, широкой употребляемостью этих лексем, конкретностью датировок. Утро предстает не только как начало дня, но и как всякое начало вообще, и потому время некой тревожности, неуверенности. День связан с трудовой деятельностью героев, а вечер оказывается временем духовного единения героев и выступает положительным номинатором темпоральности в художественном мире В.Аксенова.

Небольшие по объему временные отрезки представляют изображаемую реальность ближе и отчетливее, а закономерности их значений, реализованные в контекстах, позволяют судить о специфике малых временных континуумов. Короткие интервалы времени в «молодежной прозе» В.Аксенова характеризуются такими лексемами, как *секунда*, *минута*, *час*, *миг* / *мгновение*.

Час, как правило, становится указанием на бытовое время. О таком употреблении свидетельствуют следующие контексты, где рассматриваемая

лексема выступает в количественно-именных сочетаниях: «Зеленин появился только **во втором часу** дня» [1: 146]; «**В четыре часа** наступила ночь, и верхушки сопок заблестели под луной, словно серебряные» [3: 355]. Существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений видна в следующих контекстах, где измерением расстояния становится время: «А до станции **семь часов на автобусе**. Никак не успеть» [1: 110]; «Езжайте в рыболовецкий колхоз "Прожектор". **Три часа на автобусе** отсюда» [2: 283].

Лексема *минута* также представлена в количественно-именных сочетаниях, но имеет более субъективную семантику. Во время опасности герои начинают отсчитывать минуты, которые, возможно, отделяют их от верной гибели.

Употребляемость лексемы *минута* оказывается более частотной, чем, например, *миг* / *мгновение*. Короткие неисчисляемые отрезки времени, *миг* и *мгновение*, выступающие в синонимичном употреблении, являются у В.Аксенова знаком осознания героем своих ощущений. Именно *миг* / *мгновение* интерпретирует особо значимые события, а причастность субъекта речи к предмету описания обуславливает особую эмоциональную насыщенность надбытового времени: «**Редкие мгновения**, <...>, напоминали Алексею, что он не всегда жил такой жизнью, и вселяли курьезную мысль, что все происходит с кем-то другим» [1: 55]; «Так все это и будет, а нам еще нет восемнадцати. Поцелуй и **эти мгновения**, когда исчезаешь » [2: 340]. Внимание к мгновениям подчеркивается атрибутивами (*редкие*, *еле уловимые*), выраженными прилагательными, указательными и неопределенными местоимениями (*этот*, *какой-то*), количественно-именными сочетаниями: «Она приблизилась к Алексею, прижала к себе его голову, на мгновение, **на одно мгновение**» [1: 140].

Краткие временные отрезки выполняют в текстах «молодежной прозы» функции репрезентации отрезков бытового времени (*час*, *минута*, *секунда*), а также надбытового (исключительного) времени (*минута*, *миг* / *мгновение*).

Третья глава «Грамматическая концептуализация темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора»)» посвящена изучению грамматической репрезентации темпоральности. Художественный текст дает возможность как прямого, так и переносного употребления форм времени [Е.В. Падучева 1996; В.А. Плунгян 2011], а анализ грамматических явлений, связанных со временем, позволяет представить более полную картину изображаемой действительности и выявить особенности индивидуально-авторской художественной концепции времени.

Отечественная лингвистика выделяет дейктические и таксисные временные модели. Под временным дейкисом понимается «языковая интерпретация соотношенности времени действия с моментом речи или иной точкой отсчета» [Бондарко 2002: 391]. Дейктическое время реализуется через модель «прошлое – настоящее – будущее», которая представлена в

морфологической системе глагола. Среди глагольных форм, образующих ядро категории темпоральности, наиболее частотны в изучаемых повестях формы настоящего времени. Настоящее актуальное активно употребляется автором в диалогах, так как момент речи в данном случае задается самой ситуацией общения. Одновременность действия с моментом речи актуализируется и за счет употребления лексических конкретизаторов (*сейчас, тут* и пр.).

Изобразительное (описательное) настоящее, используется автором для изображения картин природы, окружающей среды и пр., которые предстают перед читателем, создавая эффект соприсутствия, но не связываются непосредственно с моментом речи. Цитаты из стихотворений поэтов Серебряного века (А.Блока, В.Брюсова) соприкасаются с современной героям действительностью, создавая эффект непосредственного наблюдения, восприятия, речевой коммуникации. В центре внимания автора оказывается герой и его эмоциональное восприятие мира, оценка его свойств через соприкосновение с искусством, поэтическим в частности.

Возможно и семантическое переосмысление форм настоящего времени, например, в качестве ближайшего будущего, если есть уверенность, что оно обязательно наступит.

Активное употребление форм настоящего времени в «молодежной прозе» В.Аксенова объясняется динамизмом происходящих событий, их отнесенностью к повествовательному моменту речи, с целью создания эффекта происходящего здесь и сейчас.

Прошедшее время представлено в текстах «молодежной прозы» В.Аксенова как в перфектном, так и аористическом значениях. В зависимости от типа употребления глаголов несовершенного вида форма прошедшего времени может передавать действие в прошлом в процессе его протекания, в его неограниченной повторяемости, в его постоянном существовании, действие как обобщенный факт.

Переносное употребление для формы прошедшего времени менее характерно. Так, прошедшее время в значении настоящего используется при описании действий, носящих регулярно повторяющийся характер: «В *«Бристоле» он бывал каждый вечер»* [4: 254]. В данном случае значение обычного, повторяющегося действия подчеркивается лексическим показателем *каждый вечер*, как в следующих примерах: «*Так мы каждое утро выходили в море и каждый вечер возвращались в колхоз»* [2: 318].

Будущее время глагола может обозначать конкретное единичное действие в будущем, действие законченное, результативное: «*Проложим шоссе по берегу озера, вдоль него построим дома, пустим автобус»* [1: 74]. Употребление форм будущего времени в перфективном значении усиливает контраст между существующей реальностью и образом «светлого будущего», который сложился в сознании героев, также акцентирует внимание на беспредельных возможностях человека в наше время. Но в то же время подчеркивается и мечтательный характер рассуждений: «*Зачем это я? Человек мечтает»* [1: 74]. Основная семантическая характеристика форм

будущего времени, употребленных в «молодежных повестях» В.Аксенова, – желательность чего-либо: герои мечтают о новых городах, об обретении личного счастья. В силу этого, употребленные формы будущего времени можно назвать «будущим мечтательным».

В произведениях «молодежной прозы» достаточно частотной оказывается смена временных планов, когда рассказы героев чередуются, то отсылая к прошлому, то возвращая в настоящее. Подобный прием позволяет представить события с точки зрения разных персонажей, создавая, таким образом, картину многообразного мира.

Грамматика является глубинным показателем временной семантики, так как пропозиция всегда соотнесена с действительностью и вписана в нее даже при отсутствии лексических показателей времени. Таксисная модель выражает «одновременность, предшествование и следование не по отношению к моменту речи, а по отношению к ситуации, <...> заданной контекстом» [Плунгян 2011: 365]. Наиболее ярко таксис представлен в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени, где «временная квалификация события осуществляется приурочиванием его ко времени, когда происходит другое событие» [Музафарова 1988: 24].

Придаточная часть может относиться ко всей главной части, образуя конструкцию расчлененной структуры, для которой свойственны использование семантических союзов и самостоятельность каждой из предикативных единиц сложноподчиненного предложения: *«Когда мы приехали, в Березани шоферов было навалом, а трактористов не хватало»* [4: 343]. В подобных предложениях каждая предикативная единица обладает пропозиitivностью. Обозначение времени в главной и придаточной частях предложения может быть усилено за счет темпоральных лексем с непропозиitivной семантикой, обозначающих природные явления, возраст человека, часовое время: *«Несколько лет назад, когда я играл в водное поло в команде мастеров, Димка боготворил меня»* [2: 192].

В анализируемых временных сложноподчиненных предложениях часты случаи соотнесения придаточной части только с одним словом главной части, например, с помощью коррелята *тогда*, за счет которого усиливается временное значение, а также выражаются пояснительные отношения: *«Может быть, стихи можно писать только тогда, когда поверишь во все невозможное <...>»* [3: 389-390]. Возможно и наличие в главной части слов, нуждающихся в обязательном распространении придаточной частью: *«Я смотрю в окно, и бывают минуты, когда я уверен, что этот билет все-таки предназначен для меня»* [2: 288]; *«Мы лежали на койках в нашем вагончике и ждали, когда нагреются бобы»* [4: 334].

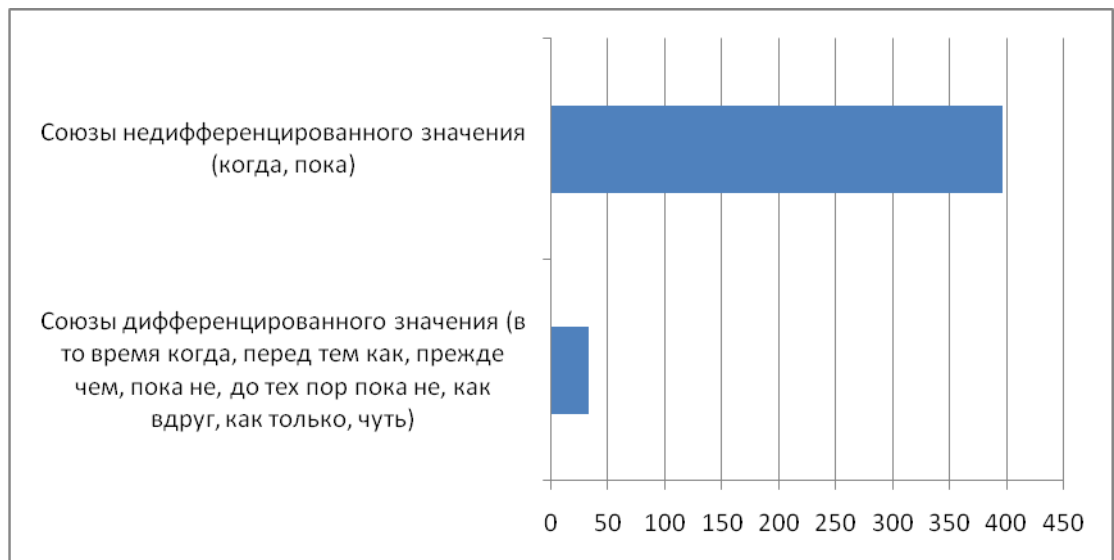
В текстах повестей В.Аксенова достаточно широко представлены предложения с придаточным времени, в которых придаточное предложение и темпоральный распространитель в главной части тесно связаны между собой пояснительно-уточнительными отношениями: *«Сейчас, когда нам многое стало известно, они стали мишурой»* [1: 18]. В подобных предложениях темпоральный распространитель главной части служит временным

ориентиром для всей ситуации, обозначенной сложноподчиненным предложением, в качестве него выступают наречия времени (*сейчас, потом, всегда, сегодня, вечером, утром, теперь*), к которым присоединяется придаточная часть предложения. Темпоральные наречия уточняют отношения, выраженные временными глагольными формами, подчеркивает одновременность / разновременность действий главной и придаточной части, участвуют в измерении художественного времени произведения [Панков 1997: 161-174]. Употребление подобных конструкций связано с постоянным ощущением времени в «молодежной прозе» и необходимостью показать связь между несколькими пропозициями.

Носителями информации о процессуальном признаке также являются видовые значения глаголов-сказуемых: так, с помощью глаголов несовершенного вида в главной и придаточной части выражается информация об одновременности происходящих событий. Действия главной и придаточной части в данном случае совпадают: «*Такие случаи **бывали** у них раньше с Сашкой Зелениным, когда мелодию, вертящуюся в голове у одного, **начинал напевать** другой*» [1: 61]. Одновременность может выражаться и при помощи коррелята *тогда – когда*, с помощью которого усиливается временное значение и более отчетливо выражаются пояснительные отношения: «*Ты так же пачкался **тогда, когда** лазал в башню*» [4: 220].

Очередность ситуаций оформляется соотносением глаголов совершенного вида прошедшего времени в главной и придаточной части. В этом случае, действие, обозначенное в главной части, следует за действием придаточной части: «*Когда мы **поравнялись** с ними, я **узнал** Витьку Колтыгу, бурильщика из партии Айрапета*» [3: 423]. Глагол несовершенного вида в главной части и совершенного в придаточной могут выражать значение частичной одновременности: «*Когда они с мужем **приехали** к нам с материка, самого Айрапета никто **не замечал** – так была красива его жена*» [3: 366]. Действие главной части может быть представлено и как период, на фоне которого совершаются единичные действия придаточной части: «*Они **сидели и горланили, перебирали** студенческие песни, старинные и новейшие, когда вдруг **захлопали** одна за другой все двери*» [1: 179].

Оформление связи между частями сложноподчиненных предложений с темпоральным значением с помощью временных союзов также участвует в организации авторской концепции времени. Наиболее частотным в рассматриваемых произведениях является союз *когда* (377 случаев употребления), и его сочетание с сочинительными союзами (*и когда, но когда, а когда, зато когда*). Среди предложений с союзами дифференцированного значения можно отметить предложения с союзом *пока не* (19), *до тех пор пока не* (4), единичные случаи с союзами *в то время когда* (2), *перед тем как* (1), *как только* (2), *чуть* (2), *прежде чем* (2), *как вдруг* (1).

Семантика союза *когда* определяется исходя из контекста. Своего рода уточнителями для данного союза выступают частицы (*вот, только, еще, же*). В подобных сочетаниях частица, сохраняя собственное значение, придает союзу большую конкретику в характеристике временных границ развития действия.

С союзом *когда* может употребляться сочинительный союз «и». Предложения в таких случаях могут приобретать, например, значение выделенности действия придаточной части на фоне основного действия, обозначенного главной частью: «**И когда** он понял, что можно уже не кричать, он вполголоса сказал <...>» [1: 49].

Характер временных отношений в сложноподчиненном предложении с союзом *когда* уточняется и за счет лексических актуализаторов (*всегда, сразу, вдруг, снова* и др.): «<...> зима тянулась без конца и всем уже надоела, **когда вдруг** небо стало подозрительно просвечивать на закате и день за днем все большие прорех появлялось в замкнутой зимней московской сфере <...>» [4: 305].

Временной союз *пока* указывает на одновременность / последовательность действий, основное значение данного союза – значение прерывающего следования: «В зале были свободные столики, но они подождали, **пока** освободятся места у стойки» [2: 242]. Для усиления временной соотнесенности действий в обеих частях могут употребляться составные союзы (*до тех пор, пока*): «Он не зажег огня **до тех пор, пока** не допел песенку о веселом французском короле» [1: 36]. Действия главной и придаточной части при этом могут относиться как к одному, так и к разным субъектам: «Мама любила гладить по волосам **до тех пор, пока** я не устроил ей скандала из-за этого» [2: 225].

Союз *пока* не сочетается со словами, типичными для сочетаний с союзом *когда*. В предложениях с этим союзом довольно часто употребляется частица *не*, относящаяся к глаголу сказуемому, указывающая на временной предел. Например, «Она сильно уставала в последнее время на съемках, **пока не образовался** просвет в графике <...>» [4: 260]. В отличие от союза

недифференцированного значения *когда*, союз *пока* употребляется, как правило, в конструкциях предшествования и не используется в конструкциях следования.

Более тонкие временные значения передаются в «молодежной прозе» В.Аксенова с помощью союзов дифференцированного значения *прежде чем*, *чуть*. Союз *прежде чем* используется в контекстах с выражением значения следования: «*Нет, надо посоветоваться с кем-нибудь из ребят, **прежде чем** раскручивать катушку*» [1: 131]. Временной союз *чуть* имеет значение быстрого следования, сфера его употребления достаточно ограничена в силу того, что в его семантическую структуру входит компонент наречного значения «немного». Этим обусловлено указание на минимальность временного интервала между событиями главной и придаточной части, которая вводится данным союзом: «*Характер у меня такой, **чуть** дела пошли, становлюсь великосветским нахалом*» [3: 458]. Союз *чуть* часто употребляется в экспрессивных конструкциях.

Рассмотренные союзы могут использоваться и как средство связи в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени, осложненных синкретичным значением. Широкое употребление сложноподчиненных предложений с синкретичной семантикой обусловлено необходимостью передачи различных смысловых оттенков высказывания, эмоционального состояния героев [Дружинина 2010: 41].

Были выделены предложения, осложненные изъяснительными, атрибутивными, условными и причинными отношениями. Наиболее четко синкретичные отношения проявляют себя в сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры (изъяснительно-темпоральные и атрибутивно-темпоральные придаточные).

Изъяснительно-темпоральные отношения возникают, если придаточная часть с союзом *когда* присоединяется к предикату в главной части со следующей семантикой: эмоциональной деятельности (*не люблю, терпеть не могу, возмущает, люблю, нет сил*), мыслительной деятельности (*знает*), восприятия (*жду, ждали*), психического состояния говорящего, выраженного словом категории состояния (*хорошо, странно, ужасно*). Например, «***Не люблю я, когда** ты так цепенеешь*» [2: 198]; «***Руководство само знает, когда** мы начнем деqualифицироваться*» [1: 127]; «***Жду, когда** придет плавбаза "Петропавловск"*» [4: 295]; «*Конечно, **хорошо, когда** работа интересная, но не она главное в жизни человека*» [1: 58]. Данные конструкции являются одним из средств диалогизации монологической речи, выражают отношение говорящего к действительности исходя из его собственных ценностных представлений.

Атрибутивно-темпоральные отношения возникают, если придаточная часть распространяет слова *мгновения, момент, день, час, минута, секунда* и другие лексемы с темпоральной семантикой: «*Это было **в тот вечер, когда** к нам приезжала эстрада*» [3: 385].

Темпоральные распространители могут занимать в предложении следующие позиции: во-первых, являться необходимым темпоральным

распространителем при сказуемом. Например, «Слова были неуместны в такие минуты, когда город раскрывался перед ними, когда наступал еле уловимый миг, сближавший их с давно умершими строителями и мечтателями» [1: 14]. Во-вторых, возможно отнесение темпорального распространителя не только непосредственно к сказуемому, а к сочетанию предиката с другими распространяющими его членами предложения: «В тот день, когда Валька с Таней встретились, я их увидел вечером на шоссе» [4: 351]. Темпоральный распространитель в подобных конструкциях может быть выражен моделями: предлог В + указательное местоимение + лексема с темпоральным значением; атрибутив + темпоральная лексема; (указательное местоимение) + темпоральная лексема в косвенном падеже: «В тот момент, когда они проходят мимо меня, я опускаю газету и говорю, заметь, по-русски: "Любопытно"» [4: 216]; «Он стал ждать весны, мечтать о теплых днях, когда защелкают у причалов флаги, когда он взойдет на борт парохода <...>» [1: 126]; «Дальше она вспомнила о том нелепом дне, когда к ней пришел избитый Марвич, и как нежность хлынула нее голубой прозрачной стеной высотой с дом» [4: 260]. Данные конструкции, как правило, дают характеристику времени, полностью занятому действием, которое соотнесено с моментом речи героев.

Анализ контекстов, содержащих сложноподчиненные предложения с атрибутивно-темпоральной семантикой, показывает, что для автора важна не только отнесенность к конкретному времени, но и возможность описать время, наделить его признаками, помогающими ощутить время, в котором разворачивается та или иная ситуация.

Временной союз *когда* нередко синонимизируется с условным *если*, выражая значение причинной и условной обусловленности: «А как я поеду, **когда** у меня ни галстука, ни штиблет и грошей ни фига» [3: 419]. Предложения с причинно-темпоральными отношениями («И **когда** он понял, что можно уже не кричать, он вполголоса сказал <...>» [1: 49]; «У меня немного болело горло, видно, простудился сегодня на участке, **когда** лаялся с подсобниками» [3: 372]) могут передавать информацию о поступках действующих лиц, становясь основанием для вывода о нравственных качествах или душевном состоянии персонажа. Исходя из собственного понимания действительности говорящий имеет возможность обозначить причинно-следственную связь между явлениями, событиями.

Большое количество придаточных с темпоральным значением в «молодежной прозе» В.Аксенова обладает синкретичной семантикой, позволяющей наиболее точно выразить отношение автора к изображаемому.

Структура временных сложноподчиненных предложений может осложняться за счет употребления модальных конструкций в главной части при их соотнесенности с обстоятельственными союзами в придаточной, что является конструктивно значимым, так как создается целый комплекс смысловых отношений, изменяющий семантику сложноподчиненного предложения [Андрамонова 1977: 145]. Модальные слова выступают в качестве средства авторизации текста, эксплицируя образ "автора" за

текстом: субъект речи оказывается представлен читателю прежде всего в своей активной познавательной-мыслительной деятельности. Это активная личность, вступающая через своего героя в постоянный диалогический контакт со своим "я", другими персонажами, а также читателями.

Были выделены сложноподчиненные предложения с темпоральным значением, в состав которых входят модальные слова, выражающие степень достоверности, уверенности, убежденности (*правда, конечно, собственно говоря*); модальные слова, выражающие значение неуверенности, предположения, вероятности / невозможности того, о чем сообщается (*наверное, видимо, видно, может, может быть*); модальные слова, характеризующие форму высказывания или отнесенность к другому лицу (*знаешь, по-моему*). Например, «**Правда, хорошо, когда апельсины?**» [3: 465].

Модальные слова и конструкции употребляются практически только в прямой речи персонажей: во внутренних монологах-рассуждениях и диалогах между героями. Именно в этих случаях выражается степень уверенности либо неуверенности в том, о чём повествуется самим автором. Модальные слова подчёркивают степень достоверности / недостоверности высказывания и тем самым позволяют воздействовать на читателя, убеждая его в чём-либо или, наоборот, отрицая сам факт возможности этого явления. Употребление вводных слов может быть отнесено к характеристике как прошлого (26% употреблений), так настоящего (61%) и будущего (13%). В контекстах с показателями настоящего синтаксического времени модальный квалификатор сигнализирует об уверенности / неуверенности персонажа в достоверности или возможности чего-либо: «**Но, видимо, у каждого наступает такое время, когда он понимает, что нельзя оставаться небокоптителем**» [1: 170]. В предложениях с формами прошедшего времени модальные конструкции, указывая на недостоверность, неполноту знаний говорящего, выражают его сомнения или колебания: «**Наверное, и Берия пользовался ими, когда обманывал партию**» [1: 18]. Контексты, в которых содержатся грамматические показатели будущего времени, передают модальные значения предположения, опасения, надежды: «**Может, когда я состарюсь, только тогда и сыграю по-настоящему**» [4: 314].

Таким образом, употребление модальных конструкций в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени определяется тем, что модальные слова уточняют или корректируют значение предложения, выступая как один из аспектов связи высказывания с действительностью, при котором герои повестей В.Аксенова могут выражать собственную уверенность / неуверенность, выдвигать предположения, сомневаться в чем-либо, оценивать события настоящего и прошлого.

В Заключении подводятся итоги исследования:

В «молодежных повестях» В.Аксенова «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора» время предстает как движение по пути взросления. Жизнь героев рассматриваемых произведений оказывается вписана в природно-календарный цикл, начинающийся весной. Циклический характер приобретает и концепция истории в восприятии юных

героев: они чувствуют свою ответственность перед предками и историей страны. Чувство общего дела, сопричастность настоящему дают героям возможность почувствовать себя творцами и свидетелями значительных исторических изменений.

В художественной картине мира В.Аксенова представление о времени складывается из утверждения динамизма происходящего, создания эффекта множественности событий, связанных друг с другом. Значимым элементом в создании авторской модели времени является темпоральная лексика.

Авторское восприятие времени значительно шире восприятия времени юными героями. В силу своего жизненного опыта автор довольно часто иронизирует над своими героями и их взглядами.

Таким образом, время является важной составляющей художественного мира «молодежных повестей» В.Аксенова и характеризуется многогранностью и сложностью.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Оппозиции темпоральных имен, называющих времена года, как структурообразующие категории в «молодежной прозе» В.Аксенова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. №2 (24). С.89-92.

2. Атрибутивно-предикативная характеристика лексемы «время» в «молодежной прозе» В.Аксенова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им.В.П. Астафьева. 2012. №1. С. 236-239.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

3. Лексико-семантическая группа «времена года» в «молодежной прозе» В.Аксенова // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы всероссийской научно-практической конференции (Казань, 14-15 февраля 2011 года). Часть 3. / Под ред. Н.Н. Фаттаховой. – Казань: ТГГПУ, 2011. – С.27-31.

4. Вербализация понятия «суточное время» в повести В.Аксенова «Звездный билет» // XIV Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дню славянской письменности и культуры: Материалы республиканской научно-практической конференции (Казань, 24 мая 2011 года). – Казань: ТГГПУ, 2011. – С.117-120.

5. Концептуализация исторического времени в «молодежной прозе» В.Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко») // Сборник материалов V международной заочной научно-практической конференции «Филология и лингвистика: современные

тренды и перспективы исследования» (Краснодар, 14 мая 2012 года). – Краснодар, 2012. – С.65-69.

6. Лексема «вечер» как положительный номинатор темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова (по произведениям «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора») // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, 27-30 июня 2012 года). – Казань: Отечество, 2012. – С.87-89.

7. Особенности употребления сложноподчиненных предложений с временным значением в повести В.Аксенова «Апельсины из Марокко» // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва, 2-3 июля 2012 года). – М.: Спецкнига, 2012. – С.6-9.